

Ряд неизданных повестей XVII в. продолжает развиваться в рамках агиографической традиции и в то же время отмечен чертами нового.

«Повесть Никодима типикариси о некоем брате» (середина XVII в.),²⁰¹ примыкающая к жанру «видений», незаурядна в литературном отношении. Она отличается образностью стиля, автобиографическое повествование ее отмечено вниманием к внутренним переживаниям героя.²⁰²

Неизданная «Повесть попа Иякова об обретении мощей» (1635 г.)²⁰³ занимает в жанровом отношении промежуточное положение между рассказом о «чуде от мощей» и «посольской сказкой». Повесть, которая ведется от первого лица, представляет собой описание поездки русского священника Иякова с посланником Борисом Дворяниновым в 1634 г. в Крымскую землю. Повесть, рассказывая об обретении в Крыму мощей неизвестного святого, интересна вниманием к экзотике, подробностями описаний природы и быта русских пленников.

Несколько неизданных повестей конца XVII — начала XVIII в. группируется вокруг «фаустовской» темы «Повести о Савве Грудцыне» — заключение договора с дьяволом — и своеобразно решает ее.

Из них в первую очередь следует назвать «Повесть об убогом человеке, како от диавола произведен царем»²⁰⁴ — произведение, по-видимому, самого конца XVII в., имеющее любопытное сходство с «Повестью о Савве Грудцыне» в разработке эпизода встречи человека с дьяволом: и в той, и в другой повести эта встреча отчаявшегося героя происходит «в поле». Однако «убогий человек», став царем с помощью дьявола, в отличие от Саввы, сохраняет свободу воли, он «бысть до всех граждан милостив», и, по-видимому, хочет перехитрить дьявола перед смертью. К сожалению, повесть, очень незаурядная в литературном отношении, не имеет конца. О завершении договора с дьяволом мы узнаем из Усть-Цилемской переработки ее — «Повести о богоизбранном царе и о прелести дияволи»,²⁰⁵ где этот же сюжет существует в несколько измененном виде (возможно, не без влияния старообрядческой литературы).

«Повесть о богоизбранном царе», сохраняя мотив свободы воли героя, подробным нравоучительным повествованием доказывает, что молитвой, покаянием, изнурением плоти и умерщвлением ее (царь, узнав о приближении смерти, велел казнить себя, а перед смертью покаялся и тем спас свою душу) можно спасти душу даже после заключения союза с дьяволом. Изменена и мотивировка заключения договора с дьяволом. Герой «Повести об убогом человеке» был «уловлен в сети» дьявола, так как был «в великой скудости» и «от гладу истомлен». В «Повести о богоизбранном царе» инициатива отношений с бесовскими силами принадлежит самому человеку — преступнику, стремящемуся выйти из темницы.

Интересный материал для дальнейшей трансформации образа «беса» в начале XVIII в. дает неизданное «Сказание о явлении великаго иерарха Николая, Мирликийскаго чудотворца, томскому гражданину Григорию», рассказывающее о событии 1702 г. В этом «Сказании» бесы являются

²⁰¹ ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание, № 27, лл. 27—49; № 56, лл. 11—25; см.: В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., стр. 86, 107.

²⁰² Исследование и издание повести готовит О. А. Белоброва.

²⁰³ ГБЛ, ф. 256 (собрание Румянцевского музея), № 363, лл. 386—393 об. См.: А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея, стр. 521.

²⁰⁴ БАН, 21.11.2 (Сев., 706), лл. 168—168 об.; см. «Описание Рукописного отделения БАН» (т. IV, вып. 1, стр. 383). Подготовлена нами для публикации.

²⁰⁵ ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание, № 70, лл. 95—105 об.; см.: В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., стр. 120.